

Генеалогия ростовских князей XIII – середины XIV вв.

A.V. Кузьмин

Изучение истории класса феодалов Северо-Восточной Руси XIII – начала XV в. в настоящее время остается одной из самых актуальных проблем в отечественной науке. Трудности поджидает нас уже на первых шагах исследования, поскольку охватываемый круг сохранившихся источников по генеалогии потомков Всеволода Юрьевича Великое Гнездо за указанный период весьма узок и известен фрагментарно¹. Однако, как верно подметил А.А. Зимин, «без генеалогических сведений нельзя понять ни истории феодального землевладения, ни складывания господствующего класса и централизации аппарата власти, ни наконец, сложных перипетий политической борьбы того времени»². И хотя исследователь относил вышеупомянутые слова применительно к истории России XIV – XVI вв., я полагаю, что сказанное им вполне можно отнести и к более раннему периоду.

Интересующую нас информацию можно получить, непосредственно обращаясь к сохранившимся до наших дней летописям, агиографическим памятникам, известным как в отдельных списках, так и в составе рукописных сборников, политическим произведениям древнерусской литературы, особенно к тем, которые затрагивают проблемы княжеских усобиц, «хождениям», личной переписке светской и духовной элиты страны, актам и грамотам по социально-экономической и политической истории и др. Среди них, конечно, стоит выделить источники генеалогические, где сохранились основные данные о происхождении и родственных связях аристократии Северо-Восточной Руси. Прежде всего, это родословцы, «памяти», синодики, а также данные других вспомогательных исторических дисциплин, таких как сфрагистика, ономастика, антропонимика, нумизматика и др. Кроме того, важные сведения находятся в иностранных источниках, отмечавших ряд характерных моментов, о которых древнерусский летописец молчал или говорил вскользь (например, о династических союзах с иноверцами).

Уникальные данные из не дошедших до сего времени источников (или еще невыявленных) содержатся в работах отечественных ученых XVIII – начала XX вв. монографического и справочного характера. Правда, обращение к последним без использования вышеуказанной источниковой базы и соответствующей научной критики может нас привести к повторению тех ошибок и искажений, которым обычно страдают справочные материалы. Ведь в них часто отсутствуют конкретные ссылки на научную литературу и источники, подчас используются подложные и недостоверные документы и родословия, получавшиеся чаще всего

из-за путаницы при их переписке или издании, ошибок писцов, частичной утраты фрагментов слова, фразы, а то и части текста. Это заметно снижает научный уровень подобных изданий³.

Нужно отметить, что определенное понимание данной проблемы во время отбора материалов по генеалогии княжеских и боярских родов средневековой Руси было уже в конце XIX в. Так, например, известный русский ученый Н.П. Лихачев в рецензии на книгу А.В. Экземплярского заметил: «За последнее полустолетие местные любители отечественной истории выпустили в свет безконечное множество научных и псевдо-научных сочинений и изданий документальных, нередко изобилующих ошибками и опечатками. Но рядом с этим в провинциальной литературе встречаются драгоценные перлы в виде целых статей, и в виде отдельных фактов, неизвестных по др. источникам»⁴. Относиться к этому нужно достаточно серьезно, ибо в настоящее время в связи с модой и актуальностью изучения известных проблем вновь наблюдается тенденция резкого роста к повторению тех методологических и фактических ошибок в ряде новых изданий, вышедших большим тиражом в виде справочников, пособий и энциклопедий по истории и генеалогии⁵. Разобраться в этом потоке информации и выбрать правильное решение дано не каждому исследователю, т.к. оказывается известная специфика научной специализации.

Современная медиевистика, к сожалению, не может предложить удовлетворяющих ученого монографий историко-генеалогического характера за вышеупомянутый хронологический период, хотя в целом данный вопрос уже давно поднимался М.Б. Свердловым⁶. До середины 70-х гг. XX в. преобладала в историографии тенденция рассмотрения судеб древнерусских земель с XIV в., т.е. с момента усиления Москвы. Наиболее ярким примером тому служит работа Л.В. Черепнина⁷.

Таким образом, история русских княжеств и их элит рассматривалась только в плоскости их вхождения в состав Русского государства на протяжении XIV – XVI вв. Существовавшей же лакуне между Русью домонгольской или, точнее, доордынской и Русью Ивана Калиты и его наследников фактически обводилась роль перекидного второстепенного моста из XIII в. в XIV⁸. Известный историк-марксист В.Т. Пашуто даже считал важным недостатком, что в досоветской литературе отводилось много места изучению региональных историй отдельных княжеств Руси, что, по его мнению, не раскрывало закономерность централизации северо-восточных земель вокруг Москвы⁹. Инаковость мысли и работы в науке считались ошибочными. Пока, благодаря исследованиям А.И. Копанева, Ю.А. Кизилова, В.А. Кучкина, О.М. Рапова, мы преимущественно имеем представление о формировании земельной собственности и домена у старших потомков Всеволода Юрьевича Великое Гнездо, имевших родовые княжения на основной части Ростовской и Владимиро-Сузdalской земли в XIII – середине XIV в. Однако рассмотрение персональной судьбы каждого из членов этой ветви дома Владимира

Мономаха они проводили лишь эпизодически, ибо данная тематика не входила в непосредственную задачу их работ. Поэтому до сих пор настольной книгой исследователя остается уже во многом устаревший капитальный труд А.В. Экземлярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг.: Биографические очерки» (СПб., 1889-1891. Т. 1-2). В свое время она получила широкий, но неоднозначный отклик у специалистов.

Более лучше изучена политическая история княжеств Северо-Восточной Руси. Из общих работ стоит выделить труд А.Е. Преснякова, который подробно рассмотрел перипетии борьбы между потомками Константина (ум. в 1218), старшего сына Всеяволода Юрьевича. Однако А.Е. Пресняков ни словом не обмолвился о династических приоритетах и родовых претензиях ростовских князей XIII – середины XIV в.¹⁰, когда устанавливалась новая система взаимоотношений между великим князем владимирским и его дальними родичами, правителями независимых русских земель.

Этот недостаток был преодолен в работе А.Н. Насонова. Последний, опираясь на данные житий и летописей, сумел показать особенности политических контактов большинства князей Ростовской земли, их многочисленные династические связи с кочевой знатью волжской Орды в XIII в.¹¹ Позднее Ю.А. Лимонов, анализируя источники, излагавшие события 1270-х гг., установил, что одной из причин создания в Ростове летописного свода 1278 г., где подробно описывались богоугодные дела и достоинства местных князей, стала подготовка Бориса Васильковича – старшего в роде Всеяволода Великое Гнездо – к борьбе за обладание великокняжеским титулом, чему помешала его преждевременная кончина в Орде в 1277 г.¹² В.А. Кучкин, исследуя процесс изменения территориальных владений правителей Ростовской земли в конце XIII – начале XIV в., был вынужден для решения поставленной задачи сначала выяснить персональный состав местных князей за указанный выше период. Используя в работе данные Рогожского летописца 40-х гг. XV в., неизвестного А.В. Экземлярскому, В.А. Кучкин выразил мнение, что указанные в Воскресенской и Никоновской летописях князья Александр (ум. в 1292) и Иван (род. в 1290) были сыновьями не Дмитрия Александровича Переяславского, а Дмитрия Борисовича Ростовского, т.к. их отец не был упомянут в источнике с титулом «великий князь»¹³.

Приведенные выше примеры еще не обобщены в специальной работе по генеалогии князей ростовского дома. Это задача будущего, ведь указанные ранее историки, касаясь данной темы, исследовали более широкие проблемы. Поэтому данные о персональном составе или о некоторых династических союзах князей Ростовской земли оказались лишь «подсобным» материалом. Однако даже при такой ситуации очевидно, что подробное, скрупулезное изучение биографий и родственных связей правителей данной части Руси в дальнейшем также необходимо. Чтобы не

выглядеть голословным, заостряя важность генеалогического аспекта в работах любого научного уровня, покажем, какую перспективу несет в себе более широкое рассмотрение династических связей разных колен князей ростовского дома и их ближайших родственников в XIII – середине XIV в.

В 1248 г. Борис Василькович женился на дочери муромского князя Ярослава¹⁴. Владения последнего прикрывали с юго-востока земли великого княжества владимирского и граничили с Ордой. Традиционно правители Мурома были подручниками наследников Юрия Долгорукого. Отсюда возникают закономерные вопросы: что стоит за этим браком, почему он смог состояться и какие цели преследовал? Ответы на них еще никто не давал. Поэтому разберем генеалогическое древо участников события 1248 г. поподробнее. Вспомним, что отец ростовского князя был женат с 1227 г. на Марии (ум. в 1271), дочери Михаила Всеходовича (ум. в 1246), который приходился шурином великому князю владимирскому Юрию Всеходовичу (ум. в 1238). Кроме того, тесть Василька Константиновича (ум. в 1238) – представитель старшей ветви черниговских Ольговичей, позднее на короткий срок даже стал киевским князем. Дед Бориса Ростовского, Константин Всеходович, в 1195 г., как известно, женился на дочери белгородского князя Мстислава Романовича Старого (ум. в 1223), севшего на киевский стол в 1214 г.

Из приведенных выше данных, взятых из Лаврентьевской летописи, очевидно, что ростовские князья родились только с представителями других «великих» княжений и на неравнозначные союзы никогда не шли. Чем же прельстила их дочь муромского князя Мария?

Выясняя подробности биографии Ярослава Юрьевича, внука Давыда Юрьевича Муромского (ум. в 1228), можно установить его тесные отношения с Переяславским князем Ярославом (ум. в 1246), братом великого князя Юрия. По данным летописцев, в зиму 1225–1226 гг. Ярослав Всеходович «начаи отдавати свесть свою», т.е. младшую dochь Мстислава Мстиславича Удатного (ум. в 1228) «за Ярослава, муромского князя»¹⁵. Таким образом, выясняется, что супруга Бориса Васильковича – двоюродная сестра новгородского князя Александра Ярославича Храброго (ум. в 1263) и племянница не менее известного галицкого князя Даниила Романовича (ум. в 1265). Как и ростовские князья, по женской линии она имела родственные связи и со смоленским домом князей через его торопецкую ветвь. Кроме того, в источниках можно найти указания на ее прямое родство с первой женой Юрьевского князя Святослава (ум. в 1253), а также на отдаленное – с рязанскими и черниговскими правителями.

Не менее важным будет рассмотреть браки второго сына Бориса и Марии князя Константина (1254–1305). Источники не сообщают, из какого рода была его первая жена. Известно, что у них родились, по крайней мере, два сына – Александр Углицкий (1286 – п.у. 1302) и Василий Ростовский (1291 – п.у. 1316) и одна dochь, жена Юрия Даниловича Московского (ум. в 1325).

Жена ростовского князя скончалась в 1299 году¹⁶.

Под 1302 г. Суздальская летопись по Академическому списку дает уникальную информацию: «Того же лета оженися князь Константина въ Орде оу Кутлукортки, а Федоръ оу Вельбласмыша Михаиловича. Того же лета Константинъ жени сына Александра»¹⁷. Если о третьем из указанных выше браков можно только гадать, то в пользу первых двух говорят и место событий, и имена родственников. Подробный анализ русских источников не дает никаких указаний на происхождение ордынцев, выручают только арабские.

Повествуя о событиях в Орде, последовавших после смерти в 1312 г. хана Тохты, анонимный продолжатель «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина отмечает, что монгольская знать, исповедовавшая шаманство, посадила на престол его сына Ильбассара (Ильсмыша). Спустя два года Узбек, сын Тугрылчи, придерживавшийся ислама, узнав о грозящей ему опасности, убил своего хана «с 20 царевичами из ряда Чингисханова». В этом ему помог влиятельный эмир Кутлуг-Тимур¹⁸.

Весьма симптоматичным выглядит сходство имен знатных ордынцев в русских и арабских источниках. Косвенное подтверждение правильности отождествления летописных Кутлукортки и Вельбласмыша с Кутлуг-Тимуром и Ильбассаром находим далее все в той же Суздальской летописи. Под 1314 г. в ней записано: «Того же лета оженися князь Феодор Михаилович оу Дмитрия Жидимирича»¹⁹. Очевидно, что на новый брак белозерского князя подтолкнула смерть его тестя в Орде. Федору было необходимо расстаться с проигравшей стороной.

Сами по себе браки Константина Борисовича и Федора Михаиловича на монголках закономерны. Они опирались на предшествующую традицию. Кроме того, Федор Белозерский был внуком ярославского и смоленского князя Федора Ростиславича Черного (ум. в 1299), женатого во втором браке также на дочери хана. В Орде, конечно, это хорошо помнили. Возможно, через династический союз своей дочери Ильбассар родился с некоторой частью ордынской знати, на чью поддержку в перспективе мог рассчитывать. На тесные связи сыновей Михаила Глебовича Белозерского (ум. в 1296) указывает происхождение их бабки Феодоры (ум. в 1273). Она тоже была монголкой²⁰. Ее младший внук носил имя Романчук²¹.

Источники указывают, что братья Михаиловичи находились в разных политических лагерях. Новгородские упоминают Федора в числе великокняжеских наместников в Псковской земле при Андрее Александровиче Городецком (ум. в 1304) и Михаиле Ярославиче Тверском (ум. в 1318). При этом любопытно обратить внимание на его второй выбор в браке, т.к. летописный Дмитрий Жидимирич – это не кто иной, как один из предков тверских боярских фамилий Бибковых, Нагих и Собакиных²². Между тем, найденные в Новгороде три буллы с изображением св. Георгия на коне и надписью: «Печать Романова Михаиловича» выдают в брате Федора также великокняжеского наместника, но

уже не Твери, а ее соперницы Москвы²³.

Однако подведем некоторые итоги. Небольшой объем работы, конечно, не дает возможности подробно осветить другие генеalogические связи. Но и приведенные примеры показывают, что изучение родословного древа ростовских князей еще не исчерпано. Поэтому перспективно наметить новую задачу, а именно переосмыслить характер известных браков представителей московского дома князей и правителей Ростовской земли в связи с вновь выясненным родством последних со знатью волжской Орды в начале XIV в.

*

- ¹ НПЛ. М.-Л., 1950. С. 465. Л. 7; 560. Л. 74; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 307. В этих новгородских источниках середины XV в. содержатся древнейшие сведения о княжеских родах на Руси.
- ² Зимин А.А. Колычевы и русское боярство XIV – XVI веков // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 56.
- ³ Бычкова М.Е. Некоторые задачи генеалогического исследования // ВИД. Т. 14. Л., 1983. С. 5-6.
- ⁴ Лихачев Н.П. Рецензия книги А.В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период 1238-1505 гг.». СПб., 1897. С. 2.
- ⁵ См.: Дворянские роды Российской империи. Т. 1: Князья / Сост. П.Х. Гребельский и др. СПб., 1993; Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб., 1993; Богуславский В.В. Держава Рюриковичей. Тула, 1994. Т. 1.
- ⁶ Свердлов М.Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI – XIII веков // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 222-223.
- ⁷ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV вв. М., 1960.
- ⁸ Назаров В.Д., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Новое в исследовании истории нашей Родины. М., 1978. С. 24-37.
- ⁹ Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
- ¹⁰ Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 82-84.
- ¹¹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940. С. 59-67.
- ¹² Лимонов Ю.А. Летописание Владимира-Сузальской Руси. Л., 1967. С. 120-155.
- ¹³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 127-128. Прим. 17, 265.
- ¹⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 471.
- ¹⁵ Там же. Т. 33. Л., 1977. С. 65. Л. 199. См. также: Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 345, под 6734 (без указания имени князя); Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 154. Л. 211, под 6734 г. и др. В летописях год дан по мартовскому стилю (Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 92, 94, 107).
- ¹⁶ Там же. Т. 1. Стб. 526-528.
- ¹⁷ Там же. Стб. 528.
- ¹⁸ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. 2. С. 141.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529.
- ²⁰ Там же. Стб. 474, 524.
- ²¹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52.
- ²² Временник имп. МОИДР. 1851. Кн. 10. С. 202.
- ²³ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. М., 1991. С. 280.